

Без права на жизнь: трагедия советских военнопленных на оккупированных территориях Украины (1941–1944 гг.)

(Публикуется в сокращенном виде, без сносок и примечаний)

Зловещим Эверестом невиданных доселе испытаний и страданий человечества нависает над всем драматическим XX веком Вторая мировая война. Одной из самых страшных её страниц стала трагедия военнопленных, которая наложила свой разрушительный отпечаток на судьбы миллионов людей. Конечно же, на войне, как на войне и ни одна из них не обходилась без жертв и массового пленения солдат противника. Но тщетно искать в человеческой истории масштабы и последствия этого страшного явления, которые могли хотя бы отдалённо сравниться с периодом военного столкновения СССР и нацистского рейха в 1941–1945 гг.

За неполными подсчётами в плен за годы войны попало около 6,2 млн. советских солдат и офицеров, что, кстати, намного больше численности пленных военнослужащих немецкого вермахта (за подсчётами немецких исследователей около 3 млн. чел., украинских – несколько меньше). Не оспаривая фактов добровольного перехода по разным причинам на сторону врага красноармейцев (вспомним хотя бы шокирующий сталинское руководство и советских граждан переход генерала А. Власова и личного состава вверенной ему 2-й ударной армии в 1942 г.), подчеркнём, что подавляющее число было пленено не по собственной воле и вине. Прежде всего, это стало результатом грубейших просчётов и стратегических ошибок высшего советского руководства и командования РККА, которые и привели к тяжелейшим поражениям, а, вернее сказать, катастрофам начального периода войны. В частности, трагическим эпизодом этого периода стало окружение войсками вермахта 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта во время Киевской оборонительной операции, в результате которого в немецком плену оказалось 665 тыс. солдат и офицеров РККА (сентябрь 1941 г.). Во время провальной для советского командования Харьковской операции (май 1942 г.) в плен к немецким войскам попало около 240 тыс. красноармейцев и их командиров, большинство из них – украинцы.

Да и какие шансы оставались у красноармейца, если в начальный период войны ему порой и воевать было нечем. В результате того, что гитлеровцы сумели в ходе наступательных и десантных операций захватить 200 складов стратегического назначения, солдатам Красной армии в 1941 г., на день активных боёв выдавали всего по полторы обоймы патронов, по одной пулемётной ленте, по четыре снаряда на пушку. Понятно, этих боеприпасов едва ли могло хватать, чтобы отбить хотя бы одну атаку противника, имеющего в тот период значительный перевес в живой силе и технике. Исчерпав все средства борьбы, советские солдаты осознавали своё бессилие, были деморализованными, и в таком состоянии, чаще всего после ранения, попадали в плен. Трагической была судьба советских военнопленных на оккупированных территориях Украины. Уже с первых мгновений пребывания в плену бывшие красноармейцы ощущали все ужасы своего нового военно-социального статуса. Все военнопленные подлежали обыску, их зверски избивали, чтобы сразу же поставить в унижительное, бесправное положение, растоптать человеческое достоинство, лишить силы воли к сопротивлению. Незамедлительно проводились фильтрации: гитлеровцы обнаруживали комиссаров, коммунистов и евреев, их ожидало немедленное уничтожение. Затем военнопленных строили в колонны и этапировали пешим порядком, в сутки по 50 – 60 км изнурительного пути. Понятно, это было циничным способом селекции, так как далеко не

все могли выдержать подобные переходы: среди пленных находилось много раненых, больных и просто ослабленных голодом и жаждой людей. Инструкция предписывала конвоирам убивать каждого, кто обессилел и не мог двигаться. К примеру, во время движения 5-тысячной колонны военнопленных в Луганской области на отрезке пути в 45 км охрана убила 150 чел (это называлось «выстрелами милосердия»).

Местом назначения движения колонн были специальные лагеря для военнопленных, их на территории Украины насчитывалось около 180. Печально-известными своими нечеловеческими условиями были Сырецкий, Дарницкий лагеря (г. Киев), Богунский (под Житомиром), Владимир-Волинский (Волинская область) «Уманская яма» (Киевщина), «Хорольская яма» (Полтавская обл.), «Цитадель» (г. Львов), «Гросс-лазарет» (г. Славута Хмельницкой области). Под стационарные лагеря использовались любые, чаще всего, полуразрушенные помещения или просто клочок земли под открытым небом, обнесенный несколькими рядами колючей проволоки, через который пропускался ток высокого напряжения.

В созданном летом 1941 г. лагере в с. Богуния (Житомирщина) было собрано около 100 тыс. советских военнопленных. Только лишь незначительная их часть размещалась в мало-мальски приспособленных помещениях, большинство же пленных ожидала участь диких животных. Через большую скученность люди не могли не только лежать, но даже стоять. Спрятаться от жары, ветра, дождя практически было негде, тысячи узников умирали, падая друг на друга.

Но были лагеря еще ужасней. В «Уманской яме» – гигантском лагере для военнопленных под открытым небом – как в могиле, живьем было погребено десятки тысяч людей. Нельзя без ужаса и содрогания читать свидетельства людей, перенесших этот земной ад: «Умершие подолгу лежали рядом с живыми. На трупы уже никто не обращал внимания, так много их было».

В отличие от пленных французов, англичан, норвежцев и представителей других европейских народов, защищенных нормами международного права, советские военнопленные стали главным объектом нацистского этноцида. Его важнейшей составляющей, наряду с массовыми убийствами узников, было цинично спланированное уничтожение посредством голода. С прибытием новой партии невольников их преднамеренно не кормили в течении нескольких дней с целью обессилить физически и сломить морально. Для тех, кто сумел выжить, в последующие дни выдавали «вегетарианский» набор в сыром виде по таким нормам: одна головка капусты – на 20 чел., одна свекла и один качан кукурузы – на 6. Выдаваемый пленным эрзац-хлеб, именуемый «русским», состоял из таких ингредиентов: 50 % ржаных отрубей, 20 % свеклы, 20 % целлюлозы, 10 % соломы. При этом, 2-килограммовая буханка хлеба была рассчитана, как правило, на 100–150 человек. В иные дни узников «баловали» горячим обедом: черпаком темной вонючей жидкости из плохо промытыми потрохами полудохлых лошадей, эта «снедь» была приготовлена в котлах, в которых раньше варили асфальт. Такой «рацион» не мог поддержать даже на минимальном уровне жизненные силы несчастных военнопленных, поэтому в местах размещения лагерей и на путях следования военнопленных не оставалось ни травы, ни листьев на деревьях. На почве голодания люди сходили с ума, прибегали к трупоедству и крысоедству.

Для сравнения вспомним, что продовольственное обеспечение немецких военнопленных в советских лагерях представляло собой полный контраст: они получали в день 600 г хлеба, 500 г картошки, 93 г мяса и 80 г круп.

Масштабы голодного геноцида в отношении советских военнопленных шокируют. Во время паталого-медицинской эксгумации трупов бывших узников Дарницкого лагеря в желудках подавляющего большинства исследованных не было обнаружено каких-либо признаков еды. Во многих лагерях военнопленных практически не обеспечивали водой, поэтому

мучительное голодание, как правило, сопровождалось и страданиями от жажды.

Общую картину нечеловеческих испытаний дополняла ужасная антисанитария, царящая в лагерях. Советские военнопленные жили в переполненных бараках, которые буквально кишели вшами, клопами и блохами. Узники по 3 – 4 месяца не имели возможности помыться, продезинфицировать одежду, а вернее те лохмотья, которые от неё остались. Вместе с крайним истощением всё это создавало благоприятные условия для распространения опасных болезней, большинство из которых оканчивались летальным результатом. Уже с сентября 1941 г. в лагерях наблюдались массовые желудочно-кишечные заболевания, преимущественно дизентерия. А с октября набрала оборотов эпидемия сыпного тифа, люди умирали целыми бараками. Распространёнными были также дифтерия, цынга, туберкулёз.

Апогеем испытаний для военнопленных стала зима 1941/1942 гг., когда к плановому истреблению, голоду, болезням прибавился ещё и холод, поскольку помещения лагерей не отапливались. В лагере для военнопленных г. Сталино (в годы оккупации Юзовка, теперь – Донецк) каждые сутки тогда умирало до 200 человек, многие из них по причине простудных заболеваний.

Смерть поджидала военнопленных буквально на каждом шагу. Жители г. Кировограда были свидетелями распространённого явления, когда среди мертвых пленных, которых вывозили из местного лагеря, было много ещё живых, однако их всех сбрасывали в яму-могилу и засыпали землёй.

В «Грослазарете» (г. Славута Хмельницкой области) смерть каждый день забирала 300 советских военнопленных. Только на Киевщине за время оккупации мучительную смерть в лагерях приняли приблизительно 250 тыс. пленных, преимущественно украинцев. Всего же за подсчётами украинских учёных на земле Украины погибло около 1,8 млн. советских военнопленных. Это составило 45 % общих потерь СРСР по этой категории военнослужащих. Понятно, эти цифры во многом носят приблизительный характер, поэтому впереди более точные подсчёты.

Следует также учитывать и тяжелейшие медико-санитарные и психологические последствия пребывания в плену. Размышляя об этом особом феномене, маршал К.А. Мерецков писал: «По видимому, в этом тяжёлом, мучительном явлении «плен» кроется нечто постыдно-удушающее в общечеловеческом смысле этого слова». Военнопленные, которым удалось выжить в ужасных лагерных условиях, вернулись на Родину искалеченными, больными, морально и духовно сломленными.

Никто не может отрицать, что действия гитлеровской администрации по отношению к советским военнопленным были вопиющим нарушением международного права, положений общепризнанных в мире Гаагской и Женевской конвенций, требующих гуманного отношения к пленному противнику. Но, с другой стороны, следует учитывать и так называемый субъективный фактор, который усугублял положение советских военнопленных. Оказалось, что они были поставлены вне закона не только немецкой, но и советской стороной. Прежде всего, Сталин с идеологических соображений отказался подписывать международное соглашение по военнопленным, обрёл их тем самым на нечеловеческие страдания и к тому же снабдил убедительным алиби нацистов-мучителей. Но, пожалуй, самое главное: красноармеец, а тем более офицер, попавший в плен, вычеркивался из списков советских граждан, объявлялся изменником Родины, это положение фиксировал беспрецедентно жестокий сталинский приказ № 270 (август 1941 г.). Итак, пленные красноармейцы и командиры стали заложниками двух тоталитарных систем. Не лишним будет напомнить, что и Международный комитет Красного Креста по существу занял соглашательскую позицию и не осудил жестокое отношение гитлеровцев к советским военнопленным.

Впрочем, и для тех немногих избранных судьбы, которые пережили ужасы плена и остались в живых, испытания с их освобождением не окончились. Советских военнопленных

ещё раз унизили в победном 1945 г., в этот раз их соотечественники. Специальной директивой Сталина были созданы особые фильтрационно-проверочные лагеря, в которые помещали бывших советских военнопленных. Всего в полосе дислоцирования 6-ти советских фронтов (4-х Украинских и 2-х Белорусских) было создано больше 100 таких лагерей и к 1 декабря 1946 г. «спецпроверку» прошли 1834 тыс. военнопленных, среди них не менее трети украинцев.

Этот сюжет мне очень близок, поскольку трагическую судьбу военнопленного разделил и мой отец, М.И. Гольш, офицер Красной армии. Он попал в плен в сентябре 1941 г. и находился в нем более 4-х лет. Отец прошёл адовы круги страшной жизни узника в Витебском, Двинском и Рижском лагерях. Его вынуждали выполнять всяческую тяжёлую работу и кормили только небольшими порциями эрзац-хлеба и похлёбкой из брюквы. В марте 1942 г. Михаила Ивановича отправили в Германию, где отец долгие месяцы томился в различных концентрационных и трудовых лагерях. Более двух лет работал на лесоповале в графстве Киль. В апреле 1945 г. во время бомбардировок английской авиацией Гольш питался бежать, но был схвачен и снова помещён в концлагерь.

Лишь 8 мая 1945 г. мой отец был освобождён из лагеря английскими войсками и переправлен в советскую зону оккупации. По 2 декабря 1945 г. он находился в различных пересыльных лагерях СССР, проходя унижительные проверки спецслужбами. Долгие годы он носил клеймо «пленного», что в СССР до определенного времени оставалось синонимом понятия «изменник» и «враг народа». Тяжелые болезни, большинство из которых были прямым следствием пребывания в плену, сопровождали отца практически всю жизнь.

В многострадальной человеческой истории, наверное, нет более ужасного и отвратительного явления, чем война, особенно, если она сталкивает два тоталитарных режима, для которых человек – это не более чем винтик системы, а его жизнь полностью обесценена. Уроки прошлой войны, среди которых особое место занимает трагедия военнопленных, вызывают к нынешнему поколению: «Будьте бдительны! Этого не должно повториться никогда!»

Об авторе: Григорий Гольш, украинский историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин Черкасского национального университета.